

УДК 811.161.1; 821.161.1-1

Е. Д. Козлов

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЖЕНЩИНА-ПОЭТ» В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Е. Д. Козлов

ЛИНГВОКУЛЬТУРНИЙ ТИПАЖ «ЖІНКА-ПОЕТ» В ТВОРЧОСТІ Б. АХМАДУЛІНОЇ

Метою нашої статті є характеристика особливостей представлення лінгвокультурного типу «жінка-поет», який в культурній свідомості виступає як варіант типу «російський поет», у творчості Б. Ахмадуліної на тлі його типової реалізації в російській поезії XIX–XX ст. Матеріалом для статті послужили поетичні тексти XIX–XX ст., висловлювання сучасників та нащадків про поетів-жінок, а також самих жінок-авторів про особливості жіночої творчості та відношення до неї. Проаналізований у статті матеріал дає підстави стверджувати, що Б. Ахмадуліна продовжує закладену в російській культурі XIX століття традицію, що закріпилася у XX столітті, регулярно використовуючи лексему чоловічого роду «поет» для номінації особи жіночої статі з метою актуалізації видового значення, а не гендерного.

Ключові слова: лінгвокультура, лінгвокультурний типаж, гендерна пара, поет, жінка-поет, граматичний рід.

Е. Д. Козлов

ЛИНГВОКУЛЬТУРНИЙ ТИПАЖ «ЖЕНЩИНА-ПОЭТ» В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Целью нашей статьи является характеристика особенностей представления лингвокультурного типажа «женщина-поэт», который в культурном сознании выступает в качестве варианта типажа «русский поэт», в творчестве Б. Ахмадулиной на фоне его типичной реализации в русской поэзии XIX–XX вв. Материалом для статьи послужили поэтические тексты XIX–XX вв., высказывания современников и потомков о поэтах-женщинах, а также самих женщин-авторов об особенностях женского творчества и отношения к нему. Проанализированный в статье материал дает основания утверждать, что Б. Ахмадулина продолжает заложенную в русской культуре XIX века и закрепившуюся в XX веке традицию, регулярно используя лексему мужского рода «поэт» для номинации лица женского пола с целью актуализации видового значения, а не гендерного.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурный типаж, гендерная пара, поэт, женщина-поэт, грамматический род.

Y. D. Kozlov

LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTER TYPE “FEMALE POET” IN BELLA AKHMADULINA’S WORKS

The article represents an attempt of description and analysis of linguistic and cultural character type “female poet”, which acts as a version of character type “Russian poet”, in B. Akhmadulina’s works against the background of its typical realization in Russian poetry of XIX–XX centuries. For our study as a practical material we used poetic texts of XIX–XX centuries, the statements of contemporaries and descendants about women poets and their creative works, as well as women poets’ statements about the peculiarities of female creative works and people’s attitude toward them. The paper notes that the tradition of using the lexeme “ноэм” with dominant meaning of the trivial name for naming people involved in poetic activity regardless of their sex assignment had been formed in Russian linguoculture by the second half of XIX century. Although according to the standard there is a feminine version “ноэмца” corresponding to the masculine one “ноэм” the latter is used for nomination of people of both sexes in Russian cultural tradition. The results of the analysis show that B. Akhmadulina carries on the tradition of regular use of the masculine gender lexeme “ноэм” for nomination of people for the purpose of actualization of the trivial meaning and not the sex.

Key words: linguoculture, linguistic and cultural character type, gender couple, poet, female poet, grammatical gender.

© Е. Д. Козлов, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33564>

В русской литературе женская поэзия как социально-культурное явление, заслуживающее внимания не только самых близких людей, но и независимых читателей, появляется только в XIX веке и включает немало имен женщин-поэтесс, среди которых М. Ватсон, А. Волкова, З. Волконская, А. Готовцова, Ю. Жадовская, М. Лохвицкая, К. Павлова, Е. Ростопчина, П. Соловьева, Н. Теплова, Н. Хвошинская, О. Чюмина и некоторые другие. Для общественного сознания той поры характерен ограниченный взгляд на женское творчество. Даже А. С. Пушкин, высоко оценивая литературный талант некоторых своих современниц (З. Волконской, Е. Ганн, А. Готовцевой, О. Крюковой, А. Зражевской, Е. Тимашевой, А. Фукс), неоднозначно относился к «женской литературе», и на страницах пушкинского «Современника» почётное место заняли произведения одной только Надежды Дуровой. Да и женщины-поэты XIX века нередко сами разделяли подобный ограниченно-снисходительный взгляд на женское творчество. Ярким примером может служить поэзия Е. П. Ростопчиной (1811–1858), которая, позиционируя себя как женщину, в своих стихотворениях неоднократно утверждала ограниченность женской личности и в жизни, и в творчестве: *Да, женская душа должна в тени светиться, / Как в урне мраморной лампы скрытой луч, / Как в сумерки луна сквозь оболочку туч, / И, согревая жизнь, незримая теплится* (Е. Ростопчина. «Как должны писать женщины» (1840)) [13, с. 134].

Уже со второй половины XIX века в русской культуре складывается традиция использования лексемы «поэт» с доминированием видового значения для именованых лиц, занимающихся поэтической деятельностью, вне зависимости от половой принадлежности. Такая традиция оказалась весьма устойчивой. И хотя по нормам русского языка мужскому варианту «поэт» в рамках гендерной пары соответствует женский вариант «поэтесса», в русской культурной традиции нормативным и более регулярным считается употребление лексемы «поэт» для номинации лиц как женского, так и мужского пола.

В свое время В. В. Виноградов писал, что «в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [2, с. 62], «...слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего, выражают общее понятие о человеке... независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам...» [2, с. 66].

Следует учесть, что в русской литературе и культуре существует устойчивое противопоставление «поэтесса» – «женщина-поэт». По видимому, это связано со вторым значением слова «поэт», в котором принадлежность к числу поэтов как таковым уходит на второй план, а на первый выходит принадлежность к мастерам художественного слова, или к так называемым «истинным поэтам». (Вопрос о формировании лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в русской поэзии подробно рассматривался в работе [8]). В общественном сознании формируется снисходительное отношение к женской поэзии как поэзии второго сорта, существенно уступающей мужскому творчеству, которое единственно и признается полноценным. Так, А. Г. Степанова-Бородина в «Воспоминаниях о Некрасове» (1903) пишет, что В. П. Буренин «...все стрелы своего остроумия направляет на меня только потому, что я «дама», как он выражается, значит, и писать могу только по-дамски» [15, с. 285].

Сложное положение женщин-писательниц XIX века определил критик И. В. Киреевский, который писал: «Предвзвешенность против писательниц ещё во всей силе. Он задавил, может быть, не один талант, обещавший новую красоту нашей литературы и может быть, новую славу» [7, с. 119].

Целый ряд имен талантливых женщин-поэтов представлен в литературе Серебряного века: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус, Аделина Адалис, Наталия Бернар, Елена Шварцбах-Молчанова (Графиня Мария), Лидия Кологривова, Анна Боане, Надежда Вольпин, Аделаида Герцык, Елена Гуро и многие другие. По этому поводу В. Ф. Ходасевич писал: «В последние годы целый ряд появившихся даровитых поэтесс заставил о себе говорить. Таковы Анна Ахматова, А. Герцык, Марина Цветаева, покойная Н. Г. Львова, полумифическая Черубина де Габриак. Так называемая “поэзия женской души” привлекла общее внимание любителей поэзии. Специфическая “женскость” стихов стала оцениваться много выше, чем до сих пор оценивалась. Спрос вызвал предложение – и навстречу ему, то целыми сборниками, то отдельными пьесами на страницах журналов и альманахов, замелькали не только женские, но и характерно дамские стихи. Посыпался целый дождь вывертов, изломов, капризов, жеманства –

всего, чем юные питомицы Сафо наперебой друг перед другом старались выявить и подчеркнуть “женственность” своей поэзии. Сквозь толщу шелков, румян, ожерелий и перьев, ставших необходимыми аксессуарами этой поэзии, стало трудно в ней что-нибудь разглядеть, кроме желания быть оригинальными» [17]. Выделяя на общем фоне поэтесс Серебряного века Софью Парнок, В. Ф. Ходасевич пишет: «Меня радует в стихах Парнок то, что она не мужчина и не женщина, а человек. Довольно, в самом деле, этого будуарного щебетания – в каком бы стиле ни был обставлен сей поэтический будуар: в символическом, футуристическом или еще каком! София Парнок выходит к нам с умным и строгим лицом поэта» [17].

М. Цветаева в ряде заметок декларирует для поэта отказ от гендерного самоотожествления, «выпадение» из пола, провозглашает асексуальность как естественное для поэта состояние. В письме Р. Гулю от 27 июня 1923 года она пишет: «Пол – это то, что должно быть переборото, плоть – это то, что я *отрясаю*. <...> Основа творчества – дух. Дух, это *не* пол, *вне* пола. <...> Пол, это *разрозненность*, в творчестве соединяются разрозненные половины Платона» [18, с. 530].

То, что обращение к поэтическому творчеству женщины весьма скептически оценивается большинством мужчин-поэтов и не только, дало основания З. Н. Гиппиус в статье «Зверобог» (1908) написать, что нередко высказывается «абсолютное неверие в женщину творческую, мыслящую. <...> «Женское творчество» даже никто не судит. Судят женщину, а не её произведения. Если хвалят, – то именно женщину: ведь вот, баба, а всё-таки умеет кое-как» [3].

Позитивное отношение критиков к женскому творчеству основывалось на признании в том или ином произведении женщин-авторов мужского стиля, «мужского письма». Так, например О. Мандельштам писал: «...мужской силы и правды иногда достигает только поэзия Аделины Адалис» [12, с. 275]. Во вступительной статье к книге повестей В. Дмитриевой О. Г. Ласунский пишет, что у неё «суровое, мужское перо» [9, с. 6]. Основная мысль всех этих высказываний сводится к тому, что женщина-автор может быть замечена, только если она писатель с мужским стилем, в противном случае речь может идти о мелких, узких темах, примитивности фабулы, сентиментальности, т. е. о том, что отличает, как будто, «женскую» литературу.

Поэтому представляется вполне закономерным, что для номинации и автономии русских женщин-поэтов XIX–XXI веков, несмотря на наличие гендерной пары, характерно традиционное употребление слова мужского рода «поэт». Русская культура XX века устойчиво поддерживает подобный взгляд на женщину поэта, что проявляется и в женской, и в мужской поэзии.

Эта традиция сохраняется и активно реализуется в творчестве поэтов-«шестидесятников», к поколению которых принадлежит Белла Ахмадулина. Поэты-мужчины, говоря о поэтессах, чаще употребляют форму мужского рода, особенно когда затрагивается аспект оценки их творчества. Так, Е. Евтушенко пишет: *Поэтов-женщин единицы в мире, / но прорва этих самых поэтесс* (Е. Евтушенко. «Голубь в Сантьяго. Повесть в стихах») [5, с. 315].

В данном случае за счет соположения лексем «поэт» (с приложением, указывающим на гендерную принадлежность: «женщина») – «поэтесса», образующих антонимическую пару, внутри которой происходит актуализация значений «подлинный поэт» (поэт) и «поэт мнимый» (поэтесса). Кроме того, использование второй антонимической пары – «единицы» – «прорва» – подчеркивает «штучность», нераспространенность настоящих поэтов среди женщин, пишущих стихи.

Примеры подобного рода являются регулярными и встречаются даже в детской поэзии: *Нет, она не поёт, / нет, она не поэт, / но в чужие стихи влюблена!..* (В. Левин «Стихи о Лошади») [11, с. 182].

В стихотворении Е. Евтушенко «Поэт на рынке», посвященном Маргарите Алигер, лексема «поэт» повторяется многократно, и актуализация морфологического значения происходит за счет рассогласования элементов синтаксической структуры по грамматическому роду (*поэт стояла; поэт была; пошла поэт; поэт рассказала, не плакала, подумала и отказалась*):

*За медом на Черемушкинском рынке
поэт
стояла,
и банка,*

*вынутая из корзинки,
в ее руках невесело сияла.
Поэт была худая и седая...
<...>
Поэт прославлена была когда-то
поэмой о героической партизанке.
<...>
Не знали,
с кем пошла на поединок
поэт когда-то,
проявив могучесть.
<...>
...и под шестьдесят,
забыта всеми,
поэт, как никогда сейчас писала.
<...>
Поэт мне рассказала все про дочь.
Не плакала. Мне только показалось.
Я предложил машину ей.
Был дождик.
Поэт подумала
и отказалась [5, с. 83–84].*

Именно «поэтом» называет Марию Петровых Давид Самойлов: «...как *поэта* оценил Петровых, только прочитав ее маленькую книжку, вышедшую в Армении» [14, с. 275]. Словом мужского рода «поэт» именует Марлену Рахлину Б. А. Чичибабин во вступительной статье к ее книге стихов «Надежда сильнее меня» (М., 1990): «*Поэт* жизни, поэт любви, поставивший в программу жизни «одну любовь» – и больше ничего», *она* знает также, что то, что называют бытом – это деятельное, реальное осуществление любви... *Поэту* жизни, *ей* хотелось бы сделаться и *поэтом* быта...» [19, с. 6].

Традиция эта продолжает сохраняться и сегодня. Именно поэтом называет Веру Павлову в рецензии на ее книгу стихов Владимир Губайловский: «Первая книга Веры Павловой «Небесное животное» – такая, какой и должна быть первая книга *поэта*» (выделено нами – Е. К.) [4]. Так же называет своего любимого соавтора и друга Ренату Муху Вадим Левин в книге, посвященной ее памяти: «Наверное, проникнуться замыслом Рены о книге мне помешало давнее и досадное ощущение, будто *Муха-рассказчик* мешает раскрыться *Мухе-поэту*» (выделено нами – Е. К.) [10, с. 5].

В одном из интервью Вера Полозкова на вопрос «Вы обижаетесь, когда вас называют поэтессой? Как вообще относитесь к этому слову?» дала ответ, который вполне согласуется с общепринятым отношением к женской поэзии: «Не очень его люблю, рисует сразу крупную манерную тетю под шестьдесят в шляпе с вуалью. У нас вообще в языке не очень-то с разделением творческих профессий на мужской и женский род. Если «писательница», то уже – плохая, слабая» [6].

Таким образом, в культуре XX века женщина-поэт самоутверждается путем отказа от своей «особости». Это период доказательства женщиной-поэтом собственного равенства с потом-мужчиной. С точки зрения языка, как мы уже отмечали, происходит выделение видового значения существительного «поэт».

В этом отношении творчество Б. Ахмадулиной достаточно традиционно.

Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет.

<...>

Так и сказала: – Мне осьмнадцать лет.

Меня никто не понимает в доме

И пусть! И пусть! Я знаю, что поэт! –

И плачет, не убрав лицо в ладони.

(Б. Ахмадулина. «Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет...») [1, с. 144];

Другая мне видится странная пара:

вот дама – вся в белом, и шляпы вуаль

лицо затеняет. Я – автор и право

мое – написать...

(Б. Ахмадулина «Причудливый бродит меж лип господин...») [1, с. 524].

*С улыбкой грусти и привета
открыла дверь в тепло и свет
жена литературоведа,
сама литературовед.*

(Б. Ахмадулина «Описание обеда») [1, с. 91].

Безусловно, свою роль здесь играет и отсутствие гендерных пар у слов «автор», «творец» (как и «литературовед»), которые соотносятся с одним из концептообразующих признаков.

Особый интерес для нашего исследования представляет стихотворение Б. Ахмадулиной «Взойти на сцену», в котором поэтесса номинирует себя с точки зрения различных социальных ролей: «плясунья», «артистка», «поэт»:

*По грани роковой, по острию каната –
плясунья, так пляши, пока не сорвалась.*

<...>

*Когда же я очнусь от суетного риска
неведомо зачем сводить себя на нет,
но скажет кто-нибудь: она была артистка,
и скажет кто-нибудь: она была поэт* [1, с. 124–125].

В рамках данного текста для автономии употреблены граммемы женского рода «пришла», «плясунья», «исчерпана», «артистка», соответствующие гендерной принадлежности автора. В частности, характеризуя свои социальные функции, Б. Ахмадулина использует для их названия женские варианты – «плясунья», «артистка», и только в одном случае, когда речь идет о литературном творчестве, – граммему мужского рода – «поэт», особенно отчетливо выделяющуюся благодаря созданию параллельных конструкций, в одной из которых налицо грамматическое согласование: *она* (ж. р.) *была* (ж. р.) *артистка* (ж. р.), в другой – семантическое (смысловое) *она* (ж. р.) *была* (ж. р.) *поэт* (м. р.), нарушающее грамматический строй. Одновременное использование лексем *артистка*, *плясунья* и *поэт* – не языковое единство, но отнесенность к одному субъекту. В данном случае грамматическое противопоставление выделяет родовое значение.

Таким образом, мы видим, что Б. Ахмадулина продолжает заложенную в русской культуре XIX века и закрепившуюся в XX веке традицию использования лексемы мужского рода «поэт» для номинации лиц с целью актуализации видового значения, а не пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина. – М. «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с. : ил. – (Полное собрание в одном томе).
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. Высшая школа, 1986. – 640 с.
3. Гиппиус З. Н. Зверобог: О половом вопросе [Электронный ресурс] / З. Н. Гиппиус. – Режим доступа : http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1908_zverebog.shtml.
4. Губайловский Владимир. Отрицай Платона: Вера Павлова. Линия отрыва. СПб., «Пушкинский фонд», 2000, 45 стр. Вера Павлова. Четвертый сон. М., «Захаров», 2000, 111 с. [Электронный ресурс] / Владимир Губайловский // Новый Мир. – 2001. – № 5. – Режим доступа до журнала: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/5/obz_gub.html.
5. Евтушенко Е. А. Собрание сочинений : в 3 т. / Е. А. Евтушенко. – Т. 3 : Стихотворения и поэмы 1973–1983. – М. : Художественная литература, 1984. – 543 с.
6. «Избегаю в стихах клинической интимности» (Интервью с Полозковой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mn.ru/society_edu/20130531/347749271.html.
7. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : В 2-х томах / И. В. Киреевский. – Т. 1. – М., 1861. – 201 с.
8. Козлов Е. Д. Формирование лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в русской поэзии / Е. Д. Козлов // Література в контексті культури: зб. наук. праць / ред. кол.: В. А. Гусев та ін. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 22(2). – С. 179–184.

9. Ласунский О. Г. Вступительная статья / О. Г. Ласунский // Дмитриева В. И. Повести, рассказ. – Воронеж : Центрально-Чернозёмное кн. Изд-во, 1983. – 351 с. – (Отчий край).
10. Левин В. А. Соавтор мой крылатый: послесловие к ненаписанной автобиографии на двоих / В. А. Левин. – Харьков : Фолио, 2012. – 91 с.
11. Левин В. А. Куда уехал цирк : Стихи, переводы, загадки, сказки, песенки – веселые и грустные / В. А. Левин. – Харьков : Фолио, СиМ, 2001. – 196 с.
12. Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. / О. Э. Мандельштам. – Т. 2. – М. : Художественная литература, 1990. – 464 с.
13. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма [сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Романова] / Е. П. Ростопчина. – М. : Сов. Россия, 1986. – 448 с.
14. Самойлов Д. наброски к портрету / Давид Самойлов. Избранные произведения : в двух томах. – М. : Художественная литература, 1990. – Т.2. Поэмы. Стихи для детей. Портреты. – С. 275–279.
15. Степанова-Бородин А. Г. Воспоминания о Некрасове / Александра Григорьевна Степанова-Бородин // Некрасов Н. А. в воспоминаниях современников / Вст. ст. Г. В. Краснова, подгот. текста и прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. – М. : Художественная литература, 1971. – С. 278–287. – (Серия литературных мемуаров).
16. Формирование лингвокультурного типажа «женщина-поэт» в русской поэзии // Література в контексті культури: зб. наук. праць / ред. кол.: В.А. Гусев та ін. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 22(2). – С.179-184.
17. Ходасевич В. Ф. Софья Парнок. Стихотворения. Петроград. 1916. Ц. 1 р. 25 к. [Электронный ресурс] / В. Ф. Ходасевич. – Режим доступа : http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0640.shtml.
18. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма / [Вступ. ст. А. Саакянц. Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мухина] / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1995. – 848 с.
19. Чичибабин Б. А. Не может быть судьбы иной / Б. А. Чичибабин // Рахлина М. Д. Надежда сильнее меня: Стихи. – М. : Изд-во «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1990. – С. 3–8.

(Статья поступила в редакцию 10 октября 2015 г.)